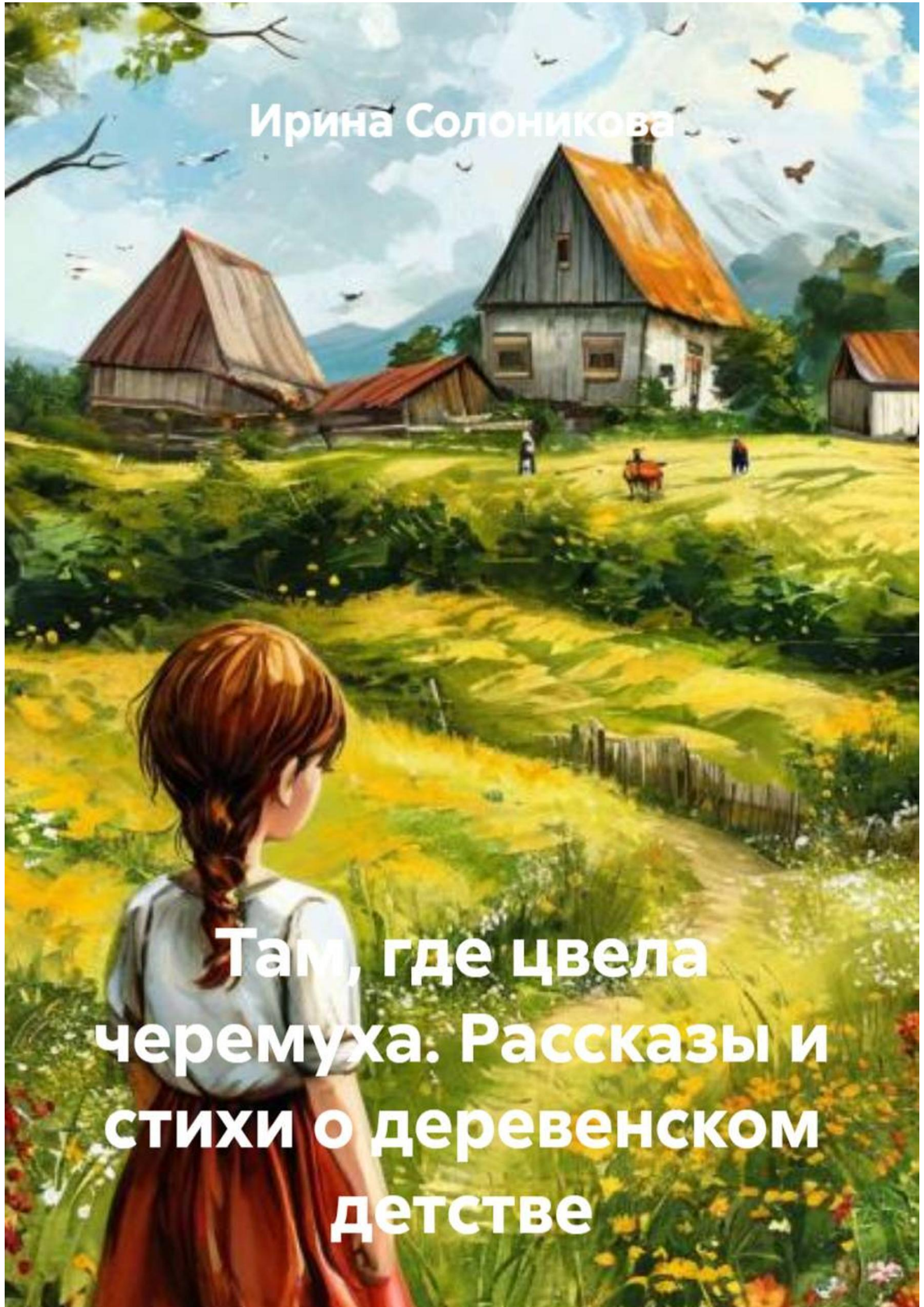

Ирина Солоникова

Там, где цвела
черемуха. Рассказы и
стихи о деревенском
детстве

Ирина Солоникова

**Там, где цвела черемуха. Рассказы
и стихи о деревенском детстве**

«Автор»

2026

Солоникова И.

Там, где цвела черемуха. Рассказы и стихи о деревенском детстве /
И. Солоникова — «Автор», 2026

Короткие рассказы о деревенском детстве, о семье и друзьях. Радости и огорчения, приключения и настоящее горе - все встречается в жизни деревенской девочки. И все же она считает себя счастливой. Она ощущала любовь семьи, а это нужно, чтобы вырасти оптимисткой. Вторая часть содержит повествование о деревне, малой родине, которую автор с любовью назвала планетой. Третья часть содержит стихи о родине и семье, воспоминания о любимых людях и природе.

© Солоникова И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Часть 1. Рассказы и стихи о деревенском детстве	5
Мой удивительный мир	5
Дорога туда, где нас любят и ждут	8
Дедушка Семен	12
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Ирина Солоникова

Там, где цвела черемуха. Рассказы и стихи о деревенском детстве

Часть 1. Рассказы и стихи о деревенском детстве

*Посвящается моим родителям:
Ромашовой Антонине Кузьминичне
Ромашову Геннадию Семеновичу*

Мой удивительный мир

Весной отец сделал два скворечника, повесил их на деревья, чтобы из окон было видно. Мы стали ждать, когда прилетят скворцы. А погода все не давала им разрешения на прилет в наши края... Вот уж и снег растаял, вот и воздух потеплел, небо стало ясным, солнечным, приветливым! Я ждала с нетерпением, когда же появятся скворцы и займут свои новые красивые домики! Каждый день я спрашивала у родителей:

— Мам, прилетели?

— Нет, еще не прилетели, — отвечала мама.

— Пап, скворцы прилетели? — надоедала я.

Наконец, однажды утром, как только я проснулась, мне объявили:

— Ирочка, иди, смотри в окно, скворцы прилетели!

Черные, блестящие птицы сидели на проводах перед окнами и насвистывали свои протяжные мелодии. Их было четыре, потом еще две птицы прилетели. Они пели, часто потряхивая крыльями, а потом поворачивали свои клювики то в одну, то в другую сторону, будто спрашивали у соседа: «Ну, как тебе моя песня? А тебе?» А сосед или соседка с той и другой стороны что-то отвечали и начинали свою трель по очереди. Спев свои приветственные песни, они так же по очереди осматривали новые дома: посмотрят, потом сидят на проводах, обсуждают, кому какой дом занимать. Те, что позднее прилетели, тоже претендовали на дом, а мы волновались: «Где они будут жить? Ведь одной семье точно нет домика!» Кажется, они ругались или громко объясняли друг другу что-то. Садились на ветку близко к одному домику, к другому, заглядывали внутрь, снова кричали. Потом снова пели. Двоим пришлось улететь. А в двух скворечниках началась жизнь.

— Папа, надо было три скворечника делать, — говорила я.

— Да кто знал, сколько их прилетит, я ведь просто на каждое дерево по одному домику сделал, а деревьев два. Не волнуйся, найдут они место себе, где-то ведь до этого жили, — объяснял отец.

Напротив наших окон, у входа в огород росли два дерева черемухи. Прежние хозяева дома не давали черемухам расти в виде кустов, поросль регулярно убиралась, и за много лет выросли два кудрявых дерева с толстыми стволами. Дедушка, купив дом, оценил красоту этих черемух, продолжал убирать снизу всю поросль, все мелкие веточки. А мой отец повесил на деревья собственноручно изготовленные скворечники, чтобы наслаждаться птичьим пением. Под одной черемухой он поставил скамейку и рядом — деревянные прочные качели, на которых качалась вся детвора. Говорили: «Пойдем на качели!» и все понимали, на какие, потому что других в деревне не было.

Теперь мы могли наблюдать за скворцами. А они трудились с утра до вечера, изредка делая перерыв и возвещая об этом на всю округу звонкой трелью. Дел у них много: я наблюдала, как они таскали веточки и перышки для гнезда в домике, потом уже один скворец носил червячков, чтобы кормить будущую мать. Когда птенцы появились, тут уж шума и крика было достаточно, отец то и дело носился, добывая еду для всех, потом и скворчиха-мать присоединилась.

В конце мая, когда цветет черемуха и всю голосят вылупившиеся птенцы, происходит такой природный праздник, такое немислимое торжество, что дух захватывает!

Черемуха в деревне росла не только у нашего дома. Она была повсюду! Ее можно было не отличить от других деревьев осенью и зимой. Но весной!.. Белой душистой дымкой она окутывала сплошь оба берега реки. Речку было не видно, но белое кудрявое облако за огородами напротив окон выдавало ее. Черемуха — любительница влаги, поэтому, поселившись однажды у воды, она начинает разрастаться, бросая свои зрелые ягодки с косточками внутри и протягивая корни по берегу реки. У каждого дома в деревне тоже росла черемуха: душистый кустик или деревце, и в мае недели две стоял густой сладковатый дурманящий запах. Фитонциды делали свое дело. Они очищали воздух, воду, траву, дома... Ветер разносил фитонциды за пределы Мальянова, и уже на подступах к этому черемуховому краю чувствовалась чистота, свежесть, здоровье! Будто все здесь вымыли, прокварцевали, как в операционной, и теперь здесь — столица чистоты! Летом черемуху тоже быстро узнаешь. Когда в июле созревают плоды, сквозь зеленое кружево листьев пробивается черный цвет мелких ягод, собранных в плотные кисти. А из зарослей черемухи на реке по ночам доносились соловьиные трели.

Первые годы своего детства изучать все новое в природе доводилось каждый день. Я не ходила в детский сад. Сад был вокруг меня. Вышла на улицу, спустилась с крылечка и видишь все новое и интересное: растения все разные, птицы поют по-разному. Вот они уроки биологии еще до школы! Иду по тропинке, а по ее краям растут листики, крупные, с бугорками-прожилками, собраны в розетку. Летом из розетки появляется стебелек с незаметными никому цветочками. Я разглядываю его, как чудо, и спрашиваю у бабушки:

— Что это за растение?

— Это подорожник, видишь, он вдоль дорог растет. На этом стебельке скоро появятся семена. Люди наступают на это растение, семена пристаю к подошвам. А где-нибудь в другом месте семена упадут так же около тропинки или на тропинку. Там семечко и взойдет, вырастет еще и еще растение.

Потом я узнала, что подорожник — лекарственное растение, его можно приложить к ране и она быстрее заживет.

Когда репей прицепился к моей одежде, я уже поняла, что он, хитрец, тоже хочет продолжить свой род, он надеется, что его заметят не сразу и перенесут в другое место на одежде. Потом его, отцепив, выбросят, и потомство репейника пустит корни совсем на другой территории.

Однажды, увидев, как соседка тетя Зина рубит корни ириса, подумала, что она их уничтожает и хочет выбросить. Оказалось, что она кусочек корня со здоровой почкой зароеет в землю, у нее появится новое растение. Кусочки корня она и мне дала, мы посадили их в землю. Вырос фиолетовый ирис с тонким нежным ароматом. Как красив этот цветок! На него я люблю с тех детских лет до сего дня. Даже, когда переезжала, снова сажала этот цветок, чтобы весной можно было любоваться им.

Меня интересовало каждое новое растение, я спрашивала у взрослых, как оно называется. Потом уже понимала, где растут эти растения, где любят расти другие, как их вырастить. Черемуха любит расти, где влажно, она сама протянет свои корни туда, где захочет вырасти. Клубни картофеля нужно закопать, а одуванчик сам рассеет свои семена при помощи ветра. Весной сначала расцветут желтые цветы, чтобы их лучше заметили немногочисленные еще

насекомые и смогли опылить, а потом расцветут голубые, когда станет теплее и будет больше насекомых.

Взрослые всегда были рядом: бабушка и мама, отец и дед, но и одна я бродила с удовольствием, привыкая к тишине и созерцанию, к размышлениям и мелодиям, которые создавались ветром, шумом дождя, пением птиц и журчанием ручья. Было очень интересно! Наблюдая за цветами или водой в роднике, мне не раз приходили в голову какие-нибудь стихотворные строчки: «Чистый звонкий ручей, ну, скажи, чей ты, чей?»

К начальной школе у меня уже были свои начальные знания, и я с удовольствием пошла за новыми. Оказывается, учиться можно всю жизнь и все равно останется еще много всего, чего ты не знаешь. И этот удивительный мир все еще продолжает меня интересовать, он еще находит, чем меня удивить, порадовать и восхитить.

Теперь я с удовольствием рассказываю детям, внукам и племянникам обо всем. И еще рассказываю о своих днях минувших, о том, что уже прошло и не повторится.

Дорога туда, где нас любят и ждут

Мама нарядила меня с утра в новенькое платье. Она только недавно его дошила. Платье мне понравилось, оно цветное, с белым воротничком, с кармашками. Потом она дала мне белые носочки и босоножки с бантиком. Пока я обувалась, на себя мама надела платье из такой же ткани. Посмотрела в зеркало, посмотрела на меня и с довольным видом продолжила одеваться. Мама покупала ткани всегда побольше и часто шила нам с ней одинаковые платья, чтобы сразу видно было, что мама с дочкой идут. Мне в кармашек она положила чистый платочек, в руки дала сумочку. Себе на ноги приготовила туфли на низеньком каблукке-гвоздике. Я тут же заинтересовалась:

— Мама, а почему ты не носишь те красивые с высокими каблуками?

В коридоре стоял плетеный, то ли маленький сундучок, то ли большой чемодан, в котором скучали привезенные мамой с Севера вещи. Там были лакированные сиреневые туфли на толстом высоком каблуке, к этим туфлям полагались, лежавшие на дне плетеного сундука резиновые боты или ботиночки на кнопке с углублением для каблука. Там же лежал целый ворох шифоновых платьев и какие-то вещи, которые меня мало интересовали.

— Дочка, здесь некуда в них ходить. Каблук в землю провалится, испортишь только, — ответила мама, и мы стали выходить из дома.

— А если боты надеть? — не унималась я.

— Так жарко сейчас, уже июнь, в них я в Салехарде, в Лабытнангах ходила, когда дождь и грязно. Придешь с улицы, ботики резиновые снимешь и остаешься в чистых туфлях, — объясняла мама.

— А в Лабытнангах куда ходила?

— В ателье. Я там работала, в кино еще ходили с папой, в гости ходили.

В тот день в наших планах был поход в гости, нам предстоял длинный путь в пять километров. В конце деревни нам встретилась тетя Вера. Она издали заметила нас и остановилась подождать.

— Куда же вы отправились такие красивые? — запричитала она, поздоровавшись. — В магазин что ли?

— Да я решила родителей навестить, давно не была. Там сестра из Вязников приехала, вот мы с дочкой и собрались, — рассказала мама.

— Ирочка, вот возьми конфетку, — сказала тетя Вера и сунула мне в карман конфету, неизвестно откуда взявшуюся.

Я молчала, вопросительно глядя на маму. А мама засмеялась и пояснила тете Вере:

— Не ест она у нас сладкое, тетя Вера, не любит. Спасибо, я сама съем.

Вера Ивановна Хохлова приходилась нам родственницей, да еще и очень доброжелательной, мама всегда с ней общалась с удовольствием. Я была в восторге от домашних цветов на подоконниках у тети Веры. Всегда любовалась ими и запоминала необычные названия. Свисающие длинные кисти бордового амаранта, собранные из мелких цветочков, просто завораживали меня! Еще у нее на окнах были красные целозии, цветы которых напоминали петушинные гребешки, бархатные и упругие! Мама тоже восхищалась и говорила, что у тети Веры оранже-рея. Теперь мы распрощались с ней и отправились дальше.

На улице был теплый июньский день, на пригорках можно было увидеть спелую землянику. Пока мы шли по тропинке вдоль кустов, мама, издали заметив красные ягоды, бежала к бугорку с земляникой и набирала в ладошку, чтобы угостить меня.

— Вкусные ягоды? — с улыбкой спрашивала мама, довольная, что полезное попало в мой организм.

— Угу, — отвечала я, набив полный рот.

— Посмотри, посмотри, как ягоды прячутся! Их еще нужно уметь разыскать! Поднимешь листочки, — и вот они, красные ягоды земляники!

— Угу, — разжевывая, откликнулась я.

Вот полпути до первой остановки пройдено, сосновый перелесок с твердой тропочкой, впереди уже поле виднеется, а за полем сразу Язвицы. С поля видны машины, едущие по дороге в Верхний Ландех из Пестяков или, наоборот, в Пестяки.

Мы шли с мамой и разговаривали. Я совершенно не скучала в обществе взрослых, с мамой особенно, потому что даже и не подозревала, что у человека должны быть друзья. В первые годы жизни я всегда проводила время со взрослыми, а встречая незнакомых детей, не проявляла к ним никакого интереса. Детей в деревне было мало, мы почти не встречались. Зато я знала детей своих родственников, когда я приходила к ним с мамой, мы играли и радовались встрече.

Подойдя к деревне, мама решила зайти по пути к Цаплиным, она часто заходила к тете моего отца. Дома оказалась и внучка тети Анны, Рита. Пока мама разговаривала с тетенькой, как мы ее все ласково звали по примеру отца, я посидела в комнате у Риты. Она была старше меня на пять лет, но всегда играла со мной, как с куклой, ее забавляли маленькие дети.

— Хочешь какао? — спросила Рита.

— Хочу, — сказала я.

Рита пошла готовить, я за ней. Она делала все так, как готовила мне какао мама, только в конце положила мне в чашку небольшой кусочек сливочного масла. Я испугалась, что какао с маслом не смогу выпить. «Зачем она так сделала? Я не хочу с маслом», — думала я и разглядывала масляные круги в моей чашке. Но я же говорила Рите, что хочу какао, теперь считала, что должна пить. Мне не хотелось быть капризной малышкой в глазах Риты, и я пила, даже не взглянув на маму, не ища у нее защиты.

— Вкусно? — спросила Рита.

— Вкусно, — закивала я, с трудом допивая то, что оставалось в чашке.

Мы с мамой уже отдохнули, и нужно было идти дальше. Мне нравилось буквально все на нашем пути! Всюду было что-то новое. В Язвицах росли акации вдоль дороги. Они защищали дома от пыли и шума. Когда они цвели, было очень красиво: желто-зеленая кудрявая изгородь окаймляла деревню. И запах этого цветения отличал Язвицы от черемухового Мальянова.

Следующей остановкой на нашем пути была деревня Боково. Нам не нужно было ехать на автобусе, поэтому мы перешли дорогу и так же по полям и перелескам пошли дальше. По пути мама снова мне рассказывала про все интересное. Здесь, в еловом лесу, на деревьях висели железные воронки... Привыкшая, что мама все объяснит, я посмотрела на нее.

— Это так смолу собирают. Видишь, дочка, сначала убрали с елей нижние ветки, сделали насечки и в них вставили вот эти металлические воронки. В них стекает по насечкам еловая смола. Люди, которые тут работают, приходят, проверяют и снимают те воронки, что уже наполнились. Потом это все увозят.

— На чем увозят? — интересовалась я.

И мама продолжала рассказывать об этом и о разных профессиях, которые нужны в лесу. О трактористах, лесорубах, которые заготовят нужные породы деревьев в лесу и увезут на переработку. Из древесины сделают мебель, бумагу, книги. О лесниках, которые вырастят этот лес, восполняя срубленное. О сборщиках смолы, работу которых мы только что увидели.

Кудрявые ивы закрывали еще деревню, когда мы вышли из леса. Но каждый шаг приближал меня к новым впечатлениям. Слева на пригорке открывался большой сад, а в середине сада стояло большое деревянное одноэтажное здание с парадным входом посередине.

— Это школа, — сказала мне мама, — а там, подальше, медпункт. Раньше здесь была барская усадьба. Этот дом стал школой, другой — медпунктом. Мы туда не пойдем, нам надо к магазину, зайдём к тете Марусе.

Мы шли по деревне, в конце которой мама показала мне большой дом. Вот в этом доме твоя бабушка родилась и жила до замужества. Здесь жили ее сестра Анна и брат Петр. Сестра бабушки Насти — это тетя Анна, у которой мы были сегодня. А брат бабушки на войне погиб. Здесь живет его жена, тетя Маруся. Дом у них очень большой, поэтому колхоз забрал половину под магазин.

— Тоня, проходи, проходи! А эта девочка, в таком же красивом платье, кто такая? — начала свое восхищение тетя Маруся.

Потом было чаепитие, разговоры, которые я молча слушала. Тетя Маруся расхваливала меня, угощала, конечно, я была довольна и никуда не торопилась. Потом мама, собираясь уходить, сказала:

— Я боялась, как бы дочка не устала, далеко идти, а теперь уже отдохнули и Вас навестили, пора уходить.

Мы отправились дальше. Мама предупредила меня:

— Теперь уже нигде останавливаться не будем до бабушки Агрофены, потому что тетя Валя днем на работе, так что потерпи, если устанешь.

Мы шли по длинному-длинному полю, которому, казалось, не будет конца. А когда поле закончилось, в начале деревни Федоровка перед нами уже стоял к лесу задом, а к нам окнами с красивыми наличниками, большой дом маминой сестры, тети Вали. Она оказалась дома, и у нас получилась еще одна остановка. У тети Вали уже был телевизор, который включал по вечерам ее муж, Николай Иванович. А вот проигрыватель она нам включила, достав из упаковки большую пластинку. «А за окном то дождь, то снег, и спать пора, но никак не уснуть...» — доносилось из ящика.

— Смотри, как ей нравится, — удивлялась тетя Валя, указывая на меня.

— Да, песни она любит, мы с ней часто поем, — отвечала ей мама.

Тетя Валя угощала нас пирогами, молоком и чаем. А я все вертелась около проигрывателя, пританцовывая. Пока я слушала, мама с сестрой договорились встретиться в доме своих родителей. Тетя Валя обещала вечером к нам прийти.

Федоровка мне не нравилась: длинная и неуютная, ни в чем не видно было порядка. У редкого дома росли цветы, а у других хлам, поленицы дров где попало, ни красивой тропинки, ни аккуратной калитки. Кроме самой тети Вали, ее ухоженного дома, цветочного палисадника, сада с вишнями, яблонями, смородиной и крыжовником в Федоровке не было ничего для меня приятного. Все вызывало жалость и тоску, хотелось побыстрее пройти ее, приблизиться к деревне бабушки и деда. Но дорога, как назло, была нескончаема.

За деревней тропинка, заросшая кустами, которые хлестали по лицу, вела к безымянной речке. Ей совсем и не требовалось название. Много других безымянных речек затерялось в средней полосе России, по берегам которых расположились небольшие деревеньки. И люди, если уж нужно обозначить, куда идут купаться или на рыбалку, могли назвать ее по названию деревни: на Федоровскую речку. Может быть на картах и было название, но для жителей окрестных деревень она была Федоровской. А для жителей Федоровки она была просто речкой. Одна единственная, другой реки нет. И рыбаки, и купальщики — шли просто на речку. Речка, вроде бы, обычная, но она, как и эта деревня, вызывала у меня беспокойство и страх. Высокий мост, под которым темная вода уходила вдаль ровной лентой, был не достроен. Для тракторов и машин была другая дорога, а эта с мостом через речку, использовалась редкими пешеходами. Кажется, когда начинали строить, были одни планы, а потом они изменились и мост оказался огромным, несуразным и не законченным. Со стороны, откуда мы пришли, деревьев не было, но мелкий кустарник рос повсюду. Не доходя до самого берега, кустарник остановился, будто кто-то невидимый определил ему территорию, где можно расти. На другом берегу близко к воде был тоже установлен такой же «запрет». Но чуть дальше темной стеной возвышался хвойный лес. Может быть, это он и делал картину страшной, внушал непонятную тревогу.

Но мама была рядом. Мы постояли на мосту, посмотрели на темную гладь воды и вошли в лес.

— Здесь когда-то были качели, они крепились толстыми веревками к высоким елям. Парни и девушки собирались тут, мы в юности с твоим отцом приходили. Купались на речке и на качелях качались, — сказала мама.

Темный лес, к счастью, заканчивался, и мы оказались на огромном поле. Посреди этого поля росла одиноко высокая раскидистая липа. Мама и про это поле сумела рассказать мне историю.

Я поняла, что здесь была деревня Березники. Здесь родился мой отец, его братья и сестра. Все жители деревни носили фамилию Ромашовы. Только три семьи были Белкины. Деревню прозвали «Ромашата». И так укоренилось это прозвище, что через несколько поколений люди окрестных деревень забыли ее настоящее название. Только в свидетельстве о рождении моего отца я увидела — Березники. Когда мама вышла замуж за отца, деревня еще существовала. Поженившись, они сразу уехали, только письма писали родным. Из писем они и узнали, что бабушка Настя и дед Семен переехали в Мальяново. В середине 20 века жители стали уезжать из деревни Березники в поисках лучшей жизни. За шесть лет вся деревня исчезла. Далеко куда-то в город родители отца уехать не смогли, им шел уже седьмой десяток. Купили дом поблизости к Язвицам, к бабушкиной сестре Анне, которая в это время овдовела. Когда мои родители приехали с Севера, бабушка и дедушка жили уже в другой деревне. А поле это называли теперь «Ромашата». Никто бы не догадался, почему поле с одной липой посередине так называют...

Пока мама про это рассказывала, я уже увидела, возвышающийся над деревьями, шпиль колокольни и купол храма, с которого после революции был сброшен крест; он всегда первый возвещал о том, что мамины Беклемищи уже рядом.

— Вот мы и пришли! Вот уже виден домик с голубыми наличниками! — радовалась мама.

А минут через десять мы все уже обнимались с родственниками! Мама очень любила своих братьев и сестер. Они встречались ежегодно, летом, а целый год, до встречи, писали друг другу письма. Мы, дети, тоже обнимались и радовались, зная, что здесь тебя все любят. А бабушка с дедом, уставшие, уже немолодые, вырастившие своих детей, встречали следующее поколение с заботой и нежностью.

Дедушка Семен

Мои первые воспоминания о детстве связаны с родителями и с дедушкой. Он, пришедший с войны, к моему рождению был уже стар и болен. Но, когда меня оставляли с ним, он не отказывался нянчиться, читая мне книжки и произнося прибаутки. «Ехал барин на базар, купил себе шапку у четыре угла: сюды угол, сюды угол, сюды угол, сюды угол, посередке кисть, по затылку хлысь!» После этой прибаутки слышался мой звонкий смех. Дед говорил и подергивал меня за волосы в разные стороны, изображая все четыре угла шапки, а потом следовал шлепок по затылку после слова «хлысь». Потом это повторялось по нескольку раз, а на мой смех прибегали поочередно то мама, то бабушка посмотреть, чем это дед меня так рассмешил... Детские книги он читал те же, что и мама, но он так забавно что-то изображал, читая, что я снова заливалась веселым смехом.

Он читал и свои взрослые книги, принесенные из библиотеки, а по вечерам просил мою маму читать вслух. Я слушала вместе со всеми. Не знаю, понимала ли я что-нибудь в то время, только когда я взрослая читала «Тихий Дон», мне казалось, что с этими героями я где-то встречалась, может быть, жила недалеко и все про них знала.

У деда и бабушки было четверо детей и восемь внуков. Я была предпоследней внучкой. Восьмую, Лену, дочку младшего сына, дед так и не узнал. Он ушел на Великую Отечественную войну в сорок семь лет, в 1942 году. До этой войны дедушка уже воевал во время первой Мировой и где-то на фронтах гражданской войны. Во время войны с фашистской Германией, пока дед был на фронте, старшая внучка Валя жила у бабушки вместе с тремя своими дядями, бабушкиными сыновьями. С началом войны пришло к ним в семью горе: дочка Клавдия потеряла мужа в первые месяцы войны. А в сентябре 1941 года бабушка родила последнего сына Александра. Когда деда забрали на фронт, бабушке было очень тяжело с двумя подростками и двумя малышами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.